

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АНТОН ЧЕХОВ

Рассказы. Повести. Пьесы

Антон Павлович Чехов

Беспокойный гость
(Рассказы)

Антон Павлович Чехов

Беспокойный гость

В низкой покрывившейся избушке лесника Артема, под большим темным образом сидели два человека: сам Артем, малорослый и тощий мужичонко, с старческим помятым лицом и с бородкой, растущей из шеи, и прохожий охотник, молодой рослый парень в новой кумачовой рубахе и в больших болотных сапогах. Сидели они на скамье за маленьким треногим столиком, на котором, воткнутая в бутылку, лениво горела сальная свечка.

За окном в ночных потемках шумела буря, какую обыкновенно природа раздражается перед грозой. Злобно выл ветер и болезненно стонали гнувшиеся деревья. Одно стекло в окне было заклеено бумагой, и слышно было, как срывавшиеся листья стучали по этой бумаге.

– Я тебе вот что скажу, православный... – говорил Артем сиплым тенорковым полушёпотом, глядя немигающими, словно испуганными глазами на охотника. – Не боюсь я ни волков, ни ведмедей, ни зверей разных, а боюсь человека. От зверей ты ружьем или другим каким орудием спасешься, а от злого человека нет тебе никакого спасения.

– Известно! В зверя выстрелить можно, а выстрели ты в разбойника, сам же отвечать будешь, в Сибирь пойдешь.

– Служу я, братец ты мой, тут в лесниках без малого тридцать лет, и сколько я горя от злых людей натерпелся, рассказать невозможно. Перебывало у меня тут их видимо-невидимо. Изба на просеке, дорога проезжая, ну и несет их, чертей. Ввалится какой ни на есть злодей и, шапки не снимавши, лба не перекрестивши, прямо на тебя лезет: «Давай, такой-сякой, хлеба!» А где я тебе хлеба возьму? По какому полному праву? Нешто я миллионщик, чтоб каждого прохожего пьяницу кормить? Он, известно... злобой глаза запорошило... креста на них, на чертях, нет... недолго думавши, трах тебя по уху: «Давай хлеба!» Ну и даешь... Не станешь же с ними, с идолами, драться! У иного в плечах косовая сажень, кулачище, что твой сапог, а у меня – сам видишь, какая комплекция. Меня мизинцем зашибить можно... Ну, дашь ему хлеба, а он нажрется, развалится поперек избы и – никакой тебе благодарности. А то бывают такие, что деньги спрашивают: «Отвечай, где деньги?» А

какие у меня деньги? Откуда им быть?

– У лесника, да чтоб денег не было! – усмехнулся охотник. – Жалованье получаешь каждый месяц, да и, чай, лес тайком продаешь.

Артем пугливо покосился на охотника и задрогал своей бородкой, как сорока хвостом.

– Молодой ты еще, чтоб мне такие слова говорить, – сказал он. – За эти самые слова ты перед богом ответчик. Ты сам из каких будешь? Откуда?

– Я из Вязовки. Старосты Нефеда сын.

– Ружьем балуешься... Я, когда помоложе был, тоже любил это баловство. Тэ-эк. Ох, грехи наши тяжкие! – зевнул Артем. – Беда-а! Добрых людей мало, а злодеев и душегубов не приведи бог сколько!

– Ты словно как будто и меня боишься...

– Ну, вот еще! Зачем мне тебя бояться! Я вижу... понимаю... Ты вошел, и не то чтобы как, а перекрестился, поклонился, честь-честью... Я понимаю... Тебе и хлебца дать можно... Человек я вдовый, печи не топлю, самовар продал... мяса, или чего прочего, не держу по бедности, но хлебца – сделай милость.

В это время под скамьей что-то заворчалю,

вслед за ворчаньем послышалось шипенье. Артем вздрогнул, поджал ноги и вопросительно поглядел на охотника.

– Это моя собака твою кошку забижает, – сказал охотник. – Вы, черти! – крикнул он под скамью. – Куш! Биты будете! Да и худая же у тебя, брат, кошка! Одни кости да шерсть.

– Стара стала, околевать время... Так ты, сказываешь, из Вязовки?

– Не кормишь ты ее, я вижу. Она хоть и кошка, а все-таки тварь... всякое дыхание. Жалеть надо!

– Нечисто у вас в Вязовке, – продолжал Артем, как бы не слушая охотника. – В один год два раза церковь грабили... Есть же такие анафемы, а? Стало быть, не только людей, но даже бога не боятся! Грабить божье добро! Да за это повесить мало! В прежнее время таких шельмов губернаторы через палачей наказывали.

– Как ни наказывай, хоть плетью жарь, хоть засуди, а не выйдет толку. Из злого человека ничем ты зла не вышибешь.

– Спаси и помилуй, царица небесная! – прерывисто вздохнул лесник. – Спаси нас от

всякого врага и супостата. На прошлой неделе в Воловьих Займищах один косарь другого по грудям косой хватил... До смерти убил! А из-за чего дело вышло, господи твоя воля! Выходит это один косарь из кабака... выпивши. Встречается ему другой и тоже выпивши...

Внимательно слушавший охотник вдруг вздрогнул, вытянул лицо и прислушался.

– Постой, – перебил он лесника. – Кажись, кто-то кричит...

Охотник и лесник, не отрывая глаз от темного окна, стали слушать. Сквозь шум леса слышны были звуки, какие слышит напряженное ухо во всякую бурю, так что трудно было разобрать, люди ли то звали на помощь, или же непогода плакала в трубе. Но рванул ветер по крыше, застучал по бумаге на окне и донес явственный крик: «Караул!»

– Легки твои душегубы на помине! – сказал охотник, бледнея и поднимаясь. – Грабят кого-то!

– Господи помилуй! – прошептал лесник, тоже бледнея и поднимаясь.

Охотник бесцельно поглядел в окно и прошелся по избе.

– Ночь-то, ночь какая! – пробормотал он. – Зги не видать! Время самое такое, чтоб грабить. Слышь? Опять крикнуло!

Лесник поглядел на образ, с образа перевел глаза на охотника и опустился на скамью в изнеможении человека, испуганного внезапным известием.

– Православный! – сказал он плачущим голосом. – Ты бы пошел в сени да на засов двери запер! И огонь бы потушить надо!

– По какому случаю?

– Неровен час, заберутся сюда... Ох, грехи наши!

– Идти нужно, а ты двери на засов! Голова, посмотришь! Идем, что ль?

Охотник перекинул на плечо ружье и взялся за шапку.

– Одевайся, бери свое ружье! Эй, Флерка, иси! – крикнул он собаке. – Флерка!

Из-под скамьи вышла собака с длинными огрызенными ушами, помесь сеттера с дворняжкой. Она потянулась у ног хозяина и завиляла хвостом.

– Что ж ты сидишь? – крикнул охотник на лесника. – Нешто не пойдешь?

– Куды?

– На помощь!

– Куда мне! – махнул рукою лесник, пожимаясь всем телом. – Бог с ним совсем.

– Отчего же ты не хочешь идти?

– После страшных разговоров я теперь и шага не ступну впотьмах. Бог с ним совсем! И чего я там в лесу не видал?

– Чего боишься? Нешто у тебя ружья нет? Пойдем, сделай милость! Одному идти боязно, а вдвоем веселей! Слышь? Опять крикнуло! Вставай!

– Как ты обо мне понимаешь, парень! – простонал лесник. – Нешто я дурак, что пойду на свою погибель?

– Так ты не пойдешь?

Лесник молчал. Собака, вероятно услышавшая человеческий крик, жалобно залаяла.

– Пойдешь, я тебя спрашиваю? – крикнул охотник, злобно тараща глаза.

– Пристал, ей-богу! – поморщился лесник. – Ступай сам!

– Э... сволочь! – проворчал охотник, поворачивая к двери. – Флерка, иси!

Он вышел и оставил дверь настежь. В избу

влетел ветер. Огонь на свечке беспокойно замелькал, ярко вспыхнул и потух.

Запирая за охотником дверь, лесник видел, как лужи на просеке, ближайšie сосны и удаляющуюся фигуру гостя осветило молнией. Вдали проворчал гром.

– Свят, свят, свят... – шепнул лесник, спеша просунуть толстый засов в большие железные петли. – Экую погоду бог послал!

Вернувшись в избу, он ощупью добрался до печки, лег и укрылся с головой. Лежа под тулупом и напряженно прислушиваясь, он уже не слышал человеческого крика, но зато удары грома становились всё сильнее и раскатистее. Ему слышно было, как крупный, гонимый ветром дождь злобно застучал по стеклам и по бумаге окна.

«Понесла нелегкая! – думал он, воображая себе охотника, мокнущего на дожде и спотыкающегося о пни. – Небось, со страху зубами щелкает!»

Не далее как минут через десять раздались шаги, и за ними сильный стук в дверь.

– Кто там? – крикнул лесник.

– Это я, – послышался голос охотника. –

Отопри!

Лесник сполз с печи, нащупал свечку и, зажегши ее, пошел отворять дверь. Охотник и его собака были мокры до костей. Они попали под самый крупный и густой дождь, и теперь текло с них, как с невыжатых тряпок.

– Что там случилось? – спросил лесник.

– Баба в телеге ехала и не на ту дорогу попала... – ответил охотник, пересиливая одышку. – В чепыгу залезла.

– Ишь, дура! Испугалась, значит... Что ж, ты вывел ее на дорогу?

– Не желаю я тебе, подлецу этакому, отвечать.

Охотник бросил на скамью мокрую шапку и продолжал:

– Об тебе я теперь так понимаю, что ты подлец и последний человек. Еще тоже сторож, жалованье получает! Мерзавец этакой...

Лесник виноватою походкой поплелся к печи, крякнул и лег. Охотник сел на скамью, подумал и, мокрый, разлегся вдоль всей скамьи. Немного погодя он поднялся, потушил свечку и опять лег. Во время одного особенно сильного удара грома он заворочался, сплю-

нул и проворчал:

– Страшно ему... Ну, а ежели б резали бабу? Чье дело вступить за нее? А еще тоже старый человек, крещеный... Свинья и больше ничего.

Лесник крякнул и глубоко вздохнул. Флерка где-то в потемках сильно встряхнула свое мокрое тело, отчего во все стороны посыпались брызги.

– Стало быть, тебе и горя мало, ежели бы бабу зарезали? – продолжал охотник. – Ну, побей бог, не знал я, что ты такой...

Наступило молчание. Грозная туча уже прошла, и удары грома слышались издали, но дождь всё еще шел.

– А ежели б, скажем, не баба, а ты караул кричал? – прервал молчание охотник. – Хорошо бы тебе, скоту, было, ежели бы никто к тебе на выручку не побег? Встревожил ты меня своей подлостью, чтоб тебе пусто было!

Засим, еще после одного длинного антракта, охотник сказал:

– Стало быть, у тебя деньги есть, ежели ты боишься людей! Человек, который бедный, не станет бояться...

– За эти самые слова ты перед богом ответчик... – прохрипел с печки Артем. – Нету у меня денег!

– Ну да! У подлецов завсегда есть деньги... А зачем ты боишься людей? Стало быть, есть! Вот взять бы, да и ограбить тебя на зло, чтоб ты понимал!..

Артем бесшумно сполз с печки, зажег свечку и сел под образом. Он был бледен и не сводил глаз с охотника.

– Возьму вот и ограблю, – продолжал охотник, поднимаясь. – А ты как думал? Вашего брата учить нужно! Сказывай, где деньги спрятаны?

Артем поджал под себя ноги и замигал глазами.

– Что жмешься? Где деньги спрятаны? Языка в тебе, шут, нету, что ли? Что молчишь?

Охотник вскочил и подошел к леснику.

– Глаза, как сыч, таращит! Ну? Давай деньги, а то из ружья выстрелю!

– Что ты ко мне пристал? – завизжал лесник, и крупные слезы брызнули из его глаз. – По какой причине? Бог всё видит! За все эти самые слова ты перед богом ответчик. Ника-

кого полного права не имеешь ты с меня деньги требовать!

Охотник поглядел на плачущее лицо Артема, поморщился и зашагал по избе, потом сердито нахлобучил шапку и взялся за ружье.

– Э... э... глядеть на тебя противно! – процедил он сквозь зубы. – Видеть тебя не могу! Всё равно мне не спать у тебя. Прощай! Эй, Флерка!

Хлопнула дверь – и беспокойный гость вышел со своей собакой... Артем запер за ним дверь, перекрестился и лег.